

На пороге пробуждения природы, когда вот-вот должно наступить время пробуждения насекомых, на город Цзиньтань обрушился внезапный снегопад.

Омега, весь в снегу, ворвался в стационар городской больницы.

Выйдя из лифта, Чи Яньчжи поправил перед стеклянной дверью растрепанные ветром волосы, тщательно проверил, нет ли на лице следов крови, и глубоко вздохнул. Его губы, до этого сжатые в прямую линию, привычно растянулись в дежурную улыбку, и он направился к палате Лу Хэна.

Изнутри доносились приглушенные голоса. Разобрав, о чем идет речь, Чи Яньчжи застыл как вкопанный.

— Да, это уже подтверждено, все органы отказывают, — врач покачал головой с ноткой сожаления в голосе. — Даже если продолжать последующее лечение...

— Больше не нужно, — голос Лу Хэна, который только-только начал восстанавливаться после долгого молчания, звучал хрипло. На осунувшемся лице еще угадывались черты былой красоты.

Чи Яньчжи, сквозь гул в голове, вычленил слова Лу Хэна, и в ту же секунду его охватила ярость. Ноги, которые мгновение назад не слушались, наполнились силой гнева.

В голове билась лишь одна мысль:

Неужели Лу Хэн сам не понимает, что говорит?!

Не дожидаясь ответа врача, он с силой толкнул дверь палаты. Та с грохотом ударилась о стену, и в комнате прозвучал полный ярости голос Чи Яньчжи:

— Лечить!

Врачи в палате с изумлением уставились на вошедшего.

— Продолжение лечения потребует огромных средств... — лечащий врач попытался объяснить этому разъяренному, но явно неспособному потянуть расходы молодому человеку, что дальнейшие меры бессмысленны.

— Лечить! — Чи Яньчжи, тяжело дыша, не отрывал взгляда от Лу Хэна. — Я найду деньги, сколько бы ни потребовалось, его нужно лечить!

— Послушайте...

— Оставьте, я сам с ним поговорю.

Врачи поспешно вышли из палаты, оставляя пространство для этой пары.

— Подойди, — Лу Хэн лежал неподвижно: из-за паралича он не мог подняться самостоятельно.

Чи Яньчжи давно не слышал, чтобы Лу Хэн говорил с ним таким мягким тоном. Несмотря на кипевшую внутри ярость, он послушно подошел к кровати.

— Послушай меня, не надо больше лечить.

Лу Хэн и сам отвык так разговаривать с Чи Яньчжи, ему было непривычно.

За полгода, прошедшие с момента, как он пришел в сознание, его зрение, слух и речь были повреждены, и лишь на днях начали восстанавливаться. Он думал, что это хорошая новость, но врач назвал это вспышкой перед концом.

Чи Яньчжи смотрел на него ясными глазами и внезапно улыбнулся:

— Я сегодня купил твоего любимого окуня, сварил суп. Помочь тебе сесть, чтобы ты поел?

— А-Янь, — он впервые назвал его так вслух. Глядя на нежные черты лица, он почувствовал такую невыносимую боль, что голос его дрогнул: — Будь послушным.

— Я помогу тебе сесть, рыбный суп лучше пить горячим.

— А-Янь!

— Погода в этом году странная: скоро пробуждение насекомых, а снег такой сильный, — Чи Яньчжи упрямо продолжал свое, протягивая руки, чтобы поднять Лу Хэна. — Но это даже хорошо, как раз к твоему выздоровлению все расцветет.

— Чи Яньчжи! — Лу Хэн повысил голос.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Чи Яньчжи:

— Если ты восстановил речь только для того, чтобы нести такую чепуху, то лучше бы ты молчал!

Лу Хэн попытался поднять слабую руку, чтобы успокоить его, но Чи Яньчжи с силой оттолкнул ее.

Всегда такой мягкий и воспитанный, он в отчаянии расстегнул молнию на рюкзаке и вывалил содержимое прямо на кровать.

Там были пачки купюр — около двухсот тысяч.

— У меня есть деньги! — Чи Яньчжи смотрел на него, в его глазах смешались недоумение и боль. — Если этого не хватит, я заработаю еще. Мы можем позволить себе лечение!

Лу Хэн за эти дни уже бесчисленное количество раз познал вкус разбитого сердца, но одно дело — чувствовать это в слепоте, и совсем другое — видеть своими глазами.

Он был неправ.

Как он мог позволить себе обидеть такого прекрасного человека, как Чи Яньчжи?

— А-Янь, — тон Лу Хэна стал мягче. — Мою болезнь уже не вылечить. За эти полгода я и так стал для тебя тяжким бременем. Ты не должен быть таким мягкосердечным, я ведь никогда не был с тобой добр.

— Замолчи, — Чи Яньчжи тыльной стороной ладони с силой протер глаза. — У меня есть деньги, просто води себя прилично и лечись.

Лу Хэн покачал головой:

— Отказ органов — это одно, но врач сказал, что уровень моих феромонов упал до критической отметки.

Чи Яньчжи пошатнулся, словно его ударило молнией, и едва не упал. Ухватившись за тумбочку, он прошептал:

— Как это возможно...

Для любого Альфы или Омеги угасание феромонов — процесс смертельный и необратимый. Как только феромоны рассеиваются, человек оказывается на пороге смерти.

Значит, спасти его уже действительно нельзя.

Сколько бы денег ни вложил Чи Яньчжи, финал не изменить.

После автокатастрофы полгода назад врачи констатировали у Лу Хэна смерть мозга, и семья Лу сразу от него отказалась. Только Чи Яньчжи, который к тому моменту уже успел с ним развестись, не бросил его. Он как сумасшедший тратил все деньги на лечение, буквально вырывая его из лап смерти.

Если бы не это, он бы давно был мертв.

Когда он только пришел в сознание, он знал лишь, что кто-то за ним ухаживает, а позже, когда вернулся слух, понял, что это Чи Яньчжи.

Тогда он был слеп и слышал, как Чи Яньчжи с горечью спрашивал: Лу Хэн, если однажды ты поправишься и увидишь, что это я, не покажется ли тебе это отвратительным?

Он не мог ответить, только чувствовал вину.

Чи Яньчжи был с ним в браке, прошел через развод, не получая от него ничего, кроме холодности, а теперь у него даже не было шанса покаяться и все исправить.

Чи Яньчжи отдавал ему всего себя, не отходил ни на шаг, а как он сам относился к нему раньше? Холодные слова, пренебрежение, игнорирование.

Он сам не мог понять, почему после такого обращения Чи Яньчжи все еще готов был отдать за него всё.

Чувство вины поглотило Лу Хэна. Он смотрел на тонкое запястье Чи Яньчжи и чувствовал невыносимую боль.

Чи Яньчжи стоял неподвижно, а затем его ноги подкосились, он рухнул на колени у кровати и, закрыв лицо руками, разрыдался.

У Лу Хэна защипало в глазах. Раньше он не ценил Чи Яньчжи, а теперь его слезы причиняли ему невыносимые страдания.

Лу Хэн с трудом поднял руку и осторожно погладил Чи Яньчжи по волосам:

— Не плачь. То, что я уйду, — это к лучшему. Ты должен жить хорошо, без меня, этого груза, тебе станет намного легче.

Чи Яньчжи не мог вымолвить ни слова, только непрерывно качал головой.

Лу Хэн хотел сказать что-то еще, но краем глаза заметил уголок татуировки, выглядывающий

из-под бинта на запястье Чи Яньчжи. Его дыхание перехватило, рука, гладившая волосы, задрожала, и он с мукой закрыл глаза.

Это был символ того самого подпольного гоночного клуба, где он попал в аварию.

Чи Яньчжи никогда не занимался опасными видами спорта, но теперь ради него он пошел на риск, участвуя в гонках, где победа важнее жизни.

Зная по его собственному примеру, к каким последствиям это может привести, он все равно пошел на это.

Двести тысяч, да и все расходы на лечение за полгода — скорее всего, Чи Яньчжи добыл их ценой собственной жизни.

А он сам лежит здесь, бесполезный калека, позволяя Омеге, с которым уже разведен, жертвовать собой ради него.

Какой же он все-таки негодяй.

<http://bllate.org/book/20237/2016162>